

«Я мзду не беру. Мне за державу обидно»

Известия - 1997 - 19 апр. - с. 6

Как Павел Луспекаев, которому в эти дни исполнилось бы 70 лет, снимался в своей последней роли — лучшего таможенника России Верещагина в фильме «Белое солнце пустыни»

Этот дубль не вошел в знаменитый фильм. Фотокадр из архива кинорежиссера Владимира Мотыля.

Владимир МОТЫЛЬ

С детства влюбленный в театр, он не мыслил себя без сцены: школа Малого театра в Москве, первые актерские опыты в театре в Тбилиси, первые успехи в Киевской русской драме и, наконец, знаменитый Ленинградский БДТ Товстоногова, где что ни роль, то шумный успех. Луспекаев в кино снимался от случая к случаю, в небольших ролях, принадлежа целиком театру, и, предложи я ему в годы его триумфа сыграть роль Верещагина в «Белом солнце пустыни» (с выездом в дальнюю длительную экспедицию), вряд ли он согласился бы. Да и грозный властелин Товстоногов не отпустил бы с гастролей лучшего исполнителя ролей активного репертуара.

Но грянула беда.

Еще театр ломился от зрителей, привлеченных триумфом Луспекаева в роли шолоховского Нагульнова, а болезнь сосудов привела его в 35 лет к операции на стопе. Проходит немного времени, и вновь операция — на второй стопе. Отозвалось голодное военное детство, губительное пристрастие к курению со школьных лет. Артист неумного темперамента, привыкший к раскрепощенной пластике сильного, тренированного тела, вдруг осознает, что с привычной свободой придется расстаться.

Нет, он не сдается, он мучительно ищет возможность продолжить интенсивную, наполненную творчеством жизнь, к которой привык в театре. Павел Борисович обращается к телевидению, где показовая съемка все-таки давала возможность реализовать талант в других формах, нежели на сцене, но с привычной для него отдачей и внутренней свободой. Когда у Ростислава Плятта спросили, что такое мастерство артиста, он ответил: это Луспекаев в роли Ноздрева в телефильме «Мертвые души».

Актерские пробы для «Бело-

го солнца пустыни» я проводил в Ленинграде. Ансамбль в основном был подобран, включая вторые роли. Не было лишь Верещагина. Множество артистов искомого возраста и комплекции проваливались один за другим. Если бы Луспекаев не перенес недавно ампутации стоп, о лучшем исполнителе нечего было и мечтать. Но предложить ему роль, требующую колоссальной физической нагрузки, да еще в жаркой экспедиции? Как снимать сцены драки на баркасе? Они были придуманы мной и тщательно разработаны в дополнении к литературному сценарию, были так важны в конструкции фильма. Словом, примирить в воображении богатыря таможенника с актером, который с трудом передвигается на пятках, было немыслимо!

Зная, в каком угнетенном состоянии пребывает Луспекаев, которому отказывали мои коллеги даже после великолепной кинопробы (в «Гойе», «Беге» и др.), я все не мог решиться на встречу с ним. И все же в один прекрасный день мелькнул в воображении спасительный выход: костыли для героя. Пускай в прошлом мой герой ранен в обе ноги в перестрелке. Отправили сценарий, хотя, как потом оказалось, он давно уже был у актера, и к моему приходу Луспекаев был хорошо подготовлен. Проект с костылями Павел Борисович отверг на корню. Он показал чертеж металлических упоров, которые будут вделаны в сапоги. Чтобы развеять сомнения, он расхаживал по квартире без палки, лишь изредка страхуя равновесие небрежно брошенной к стене палочкой.

— Я сыграю то, что ты придумал. А инвалида успею в другой какой-нибудь картине.

Он уже знал наизусть две облюбованные сцены и проговорил несколько фраз, поразив точностью попадания в характер. С этого момента и до конца съемок, когда бы мы ни общались в экспедиции, он постоянно был Верещагиным. Не играл его, а был им. Казалось,

разбудил его среди ночи, и можно включать камеру без репетиции: роль уже его пропитала.

По Махачкале передвигался он с палочкой, а довести актера до объекта — декорации дома Верещагина не мог никакой транспорт: увязал в сыпучих песках. С паузами на отдых Луспекаеву приходилось вышагивать на больных ногах почти километр, а потом по часу отходить в волнах Каспия, чтобы утихла боль. На съемке же гордо противился, когда предлагали упростить мизансцену, всеми способами демонстрируя, с какой легкостью он выполнит любую задачу. Лишь иногда после отснятого кадра мы видели, чего стоила ему эта «легкость».

Вне работы его поведение никак не напоминало больного. Всегда в приподнятом настроении, он был щедр на общение с людьми. Любил засидеться с коллегами или с дагестанцами в ресторане. Мирил авторитетов, когда случались разборки. Как-то сгреб своими ручищами двух распутившихся и стукнул лбами — утихомирились. Кавказ ценит храбрецов — всю ночь оба с шишками на лбу поили русского миротворца. А однажды угодил в поножовщину — полоснули над бровью. Только что накануне я передал ему сочиненный мной монолог к внесценарному эпизоду переговоров Абдуллы с забывшимся на баркас таможенником, монолог, заканчивавшийся словами «...Я мзду не беру, мне за державу обидно...»

С грехом пополам гример заклеила, загримировала расчесанное надбровье. Но кровь сочилась. Пришлось импровизировать снова. После добавленной реплики Абдуллы «Аристарх, договорись с таможенней» снимаем кадр стреляющего

бандита, затем — деталь разбивающегося стекла рубки, и крупный план — Верещагин вытирает пальцами кровь со лба, рассеченного «стеклянным осколком» (ножом горячего дагестанца).

В сценарии Валентина Ежова и Рустама Ибрагимбекова роль Верещагина была несколько иной и меньшей. В режиссерском сценарии я увеличил ее объем. Таланту Луспекаева оказалось тесно почти в каждом из эпизодов. Он раздвинул рамки образа не только по количеству экранного времени, но безмерностью богатства души. Долголетием жизни, народным признанием фильмом во многом обязан, говоря словами Пастернака, «откровенным, бурям и щедротам души воспламенной» Павла Луспекаева. Судьба отмерила ему сорок два года жизни. Он верил, что сил у него хватит, что многое еще можно совершить. Он скончался через две недели после выхода «Белого солнца» на экран и успел еще отвечать своей доброй улыбкой первым зрителям, узнававшим его на улицах.

Трижды работа Луспекаева посмертно выдвигалась на соискание Государственной премии. Но у комитетов по премиям, как у коммунистов, так и у нынешних, предпочтения были политические. Два года назад открытый фестиваль России и стран СНГ в Анапе учредил приз Луспекаева «Госпожа удача». Недавно петербургские таможенники возложили цветы на могилу «лучшего таможенника России». А я все мечтаю, когда же благодарное Отечество по достоинству увековечит подвиг гениального, истинно народного артиста, назвав его именем океанский лайнер или открытую во Вселенной звезду. Случится это или нет, Бог весть, но имя Луспекаева уже принадлежит вечности.